

Ижа Уиломм СТРАЖИ ХРОНИК ЭКСЕПТИОН РАКУРСЫ 7 И 96

От автора

Хочу пояснить мотивы, побудившие написание данного произведения. Это послание в виде художественного приключенческого повествования. В этом произведении я постарался выразить накопленный к моменту его написания опыт, в надежде на то, что данный ракурс попадётся мне на глаза где-нибудь в следующей жизни. В таком случае, я полагаю, что не смогу не прочитать то, чем когда-то заботился сам. Я оставляю это как подсказку самому себе, так как знаю, что вся или большая часть моей памяти об этой жизни будет недоступна в следующей. Особые приметы для узнавания себя: люблю людей, не люблю зло, люблю любить и немного вредный, совсем чуть-чуть.

В дальнейшем я буду писать о тех же персонажах, но в других ракурсах, в другой хронологии времени и в итоге постараюсь максимально раскрыть, в первую очередь самому

себе, секреты нашего пребывания на этой чудесной планете. Номер излагаемого ракурса имеет больше отношение к нумерологии, чем к последовательности изданий. Раскрывать себе и Вам выше упомянутые секреты я буду исключительно в художественной форме и в приключенческом жанре, так как понимаю, что вряд ли мне — тому другому будет интересно воспринимать информацию в виде скучно-научного повествования.

Приведённые тут миры и персонажи предпологаемо вымышленные. Самое главное в любом творчестве — это вызванные им ассоциации. Так сказать, послевкусие. Хотя, как знать? Ведь существует ровно то, во что мы верим, и, в таком свете, я рекомендую каждому и в том числе самому же себе тщательно выбирать то — во что верить. Чудеса в антивирусе Вашего мозга предлагаю добавить в исключения. Заявляю на полном серьёзе и со всей ответственностью:

В ЧУДЕСА НАДО ВЕРИТЬ ВСЕГДА!!!

Хотя бы, потому что они вокруг. Надо просто их увидеть.

Пользуясь случаем, хочу передать себе — тому другому привет. Передаю: Привет)))

Тёплый ПРИВЕТ))) и тебе мой дорогой читатель если ты это вдруг не я.

Тем, кто не боится новостей и
приключений,
Всем, кто слышит ветер,
И просто всем:
В добрый путь!
За безопасной фальшью,
Укрытые цинизмом,
Комфортной сонной блажью,
Непрожитые жизни.
Как искренняя лживость,
Грехи, предназначенье —
Иллюзий бережливых
Покинутые сени.
Там правда во спасенье
Торгует свои тени,
Где плата без размена,
А сдачею сомненья.
В надгробиях оценок
Стена образованья.
И будь зубами цепок,
Грызи и прочь стенанья!
Висит в петле безмена
Окурок да охлебок,
Противовесом бранным
Захваленный оттенок.
Там вне закона ветер,
За свою суть в табу.
Запретно слово «вместе»
Ведут по одному.
Склоняет свою гриву

Душевная усталость.
Фантомной ностальгией —
Младенческая старость.
Витают словно хлопья,
Как опыта обрывки,
Костры мечи и копья,
Гримасы и улыбки.
Я отломлю лучину
И свой зажгу костёр,
Открытого камина
Тепла души шатёр.
Штормов бывалых брызги,
Гляди, как освещают
Укутанную исстарь,
Над головой мерцают.
Друзья ночного бденья,
Огни большого взрыва,
Застывшее творенье,
Ничтожный миг порыва.
Представь, что оживился
Он, хлопнув, прогремел.
И взрыв освободился,
Как Дух от наших тел.
Чтобы взамен рождаясь,
Другая чья-то была
В мгновеньях созерцалась,
Как бездны звёздной пыль.
А следующей вспышке
И уровню Творца
Потребуется фишки

Из твоего ларца.
Где с ненавистью грудой
Любовь и состраданье,
Что выпадут на судьбы
И миги созерцанья.

Стражи хроник. Эксептион. Ракурс 7

Дьявол пришёл по наши души

И малый страх, что чует зверь — тропинка в чью-то душу.

Врата в неё — то смрад оцепененья.

— Вы можете, хоть сколько-нибудь внятно объяснить, как случилось так, что двое вооружённых до зубов солдат вермахта упустили одну хрупкую безоружную девушку? И избавьте меня, ради всех святых, от сказок про духов и приведения! Мы все здесь взрослые люди.

Солдаты сидели за столом в одном из кабинетов штаба. Штабс-фельдфебель, созерцая их явно шокированный вид, достал из тумбочки коньяк и разлил его по стаканам. Взоры его «собеседников» были затуманенными и отстранёнными. Один из них жадно вцепился в

предложенный стакан дрожащими руками, разом осушил его и поднял глаза. В них была безысходность. Второй всё ещё смотрел сквозь бутылку, стоящую на столе.

Но тут допрашивающий резко встал и вытянулся в приветствии — в кабинет вошёл офицер СС. Выработанный рефлекс подстегнул и гренадёра. Выкинув вверх правую руку, левой он уже толкал в плечо обер-ефрейтора. Но тот как будто ничего и никого не видел, и только покачивался от попыток заботливого товарища пробудить в нём воинский этикет и субординацию.

«Обер-ефрейтор Клейн! Извольте не забываться! — одёрнул поверженного в транс подчинённого штабс-фельдфебель. Затем он обратился к вошедшему офицеру, уже опустившему руку после ответного приветствия, — Весьма странный случай господин гауптштурмфюрер. Вы только послушайте их. Один несёт какую-то чушь про злых духов, а второй похож на контуженого, при том что медики говорят, что он абсолютно здоров».

Гауптштурмфюрер Нойман подошёл к столу и сел на один из свободных стульев напротив допрашиваемых, дав знак остальным последовать его примеру: «И так, — начал он, — Давайте-ка сначала и по порядку, — он пощёлкал пальцами перед застывшим взглядом «контуженого», —

Возьмите же себя в руки! Ну же! Выпейте в конце концов».

Оцепеневший солдат резко поднял расширенные глаза. Они были полны ужаса. Он стал говорить медленно и дрожащим голосом и только повторял: «Это был сам дьявол. Это он пришёл по наши души. Это воздаяние за наши грехи, — его будто заиклило, — Я знаю, это был дьявол. Никому не избежать воздаяния...»

Нойман повернулся ко второму допрашиваемому: «С ним, пожалуй, всё ясно. Для вермахта он потерян. Ну а что можете сказать вы?»

От принятого коньяка у гренадёра прорезался голос. Он стал говорить, безуспешно стараясь соорудить бодрый вид: «Когда мы прибежали на выстрелы нас встретили огнём... «Но рассказ прервался, не успев и начаться, а взгляд ушёл в сторону, как будто выискивая силы для того, чтобы вспомнить подробности странных событий, так напугавших накануне его с сослуживцем. Прокашлявшись, он всё-таки решился продолжить и говорил уже медленно, вдумчиво и не отводя взгляда от стены, сквозь которую он смотрел на заново переживаемые события: «Конвой, сопровождавший пленную, был уже мёртв. Кто-то или что-то помогало той девушке. Нас поливали автоматными очередями из окна одного из полуразрушенных домов. Когда же мы заняли

позиции и собрались принять бой, что-то не давало нам прицелиться должным образом. Я понимаю, что это звучит нелепо, но оно откидывало в сторону наше оружие всякий раз, когда мы пытались стрелять, — он перевёл взгляд со стены на офицера. — Со всем уважением, Вы бы не испугались в такой ситуации господин гауптштурмфюрер? Естественно мы пустились бежать, но оно не отпускало нас. Что-то невидимое цепляло нас за ноги, опрокидывало наземь и таскало за волосы и одежду. Мы стреляли. Мы стреляли во все стороны, но всё это было бесполезно...»

Эксептион

Неожиданная вспышка полностью дезориентировала Оммуила. Кратковременной энергетической перегрузки хватило для потери контроля над экспедиционным телом на несколько секунд. Когда синтетическое тело разведчика снова стало управляемым, челнок уже вспахивал поверхность Эксептиона. Подпрыгивая на холмах, он вздымал к ночному небу клубы пыли и ошмётки грунта.

Оммуил чувствовал корабль так же хорошо, как и своё тело — он был сконструирован как его продолжение. Силовая система была повреждена.

Он также констатировал потерю двух офицеров низшего звена. Их повреждённые тела не подавали признаков жизни. Такие качества небιологических экспедиционных тел рейдеров Олхоума, как прочность, долговечность и функциональная универсальность, зависели от ранга их владельца и условий выполняемой им миссии.

Наверняка, его спутники поступили согласно директиве, предписывающей мгновенный астральный прыжок в случае повреждения тел. Это требовало особой сноровки. Не все офицеры низшего звена проходили соответствующую подготовку. В этой планетарной системе нельзя было мешкать с астральными перемещениями. Существовал большой риск угодить в силовые экраны — ловушки. При помощи них вражеские силы контролировали эту планету-тюрьму для бессмертных существей.

Во время 6797-го цикла инициум, в горах этой планеты была уничтожена база межгалактического конгломерата со всем её персоналом. Атаковавшие силы противника появились буквально из ниоткуда и совершенно внезапно. Не ведая об астральной ловушке Сиксиза и не зная алгоритма её воздействия, обитатели базы попадали в неё словно мухи в паутину, сразу же после того как покидали повреждённые тела. Эти силовые арканы снова и снова отправляют бессмертных прямиком в

биологические тела Эксептиона, стирая их память в промывочных машинах. И так после окончания каждого коротенького физиологического цикла.

Долгое отсутствие связи с базой на Эксептионе послужило поводом для отправки туда поискового отряда с боевым охранением. Но связь была потеряна и с ними. Ни члены поискового отряда, ни персонал потерянной базы до сих пор так и не были найдены.

Поисковые операции на этой планете усложнены ещё и тем, что бывшие представители бесчисленных рас и цивилизаций всей вселенной рассредоточены по всей территории этой планеты. Многочисленные расы, живущие в полостях Эксептиона, держат население поверхности в полной информационной блокаде. Отживающая свой век империя ссылает сюда всех, кто доставляет хлопоты её системе и не вписывается в её раболопное и холодное общество. Вольнодумцы, гении и творцы влачат своё сонное существование вперемешку с моральными извращенцами и патологическими тунеядцами. Только сильные духовные сущности способны преодолеть имплантированное программное обеспечение в процессорах своих тюремных биологических тел.

Вполне вероятно, что пропавшие соратники Оммуила, вместе с остальными узниками Эксептиона, теперь называют его «Земля», а себя

они называют людьми.

В последний раз, он вторгнулся в пространство этой планеты в 1914-м году по местному исчислению. Была обнаружена база империи Сиксиз на планете под местным названием «Марс». Та самая дислокация старой империи, с которой было атаковано расположение миссионеров в Гималаях. Разведчик оккупировал тело эрцгерцога из царствующего клана физико-географического образования «Австрия». Внедрённый в человеческое общество под таким прикрытием, он должен был собирать информацию о текущих локальных социальных процессах. Тогда Оммуил очень близко подобрался к вражеской сети, но не был вовремя информирован о том, что физическая жизнь того, чьё тело он занял, была разменной монетой в планах Сиксиза по развязыванию очередной войны на планете. Разведчик был лишён этого аватара. Застав врасплох, его застрелил какой-то студент. Видимо локальный конфликт, наступивший в следствии этого убийства, соответствовал плану хроник.

Того непродолжительного времени, в течении которого лазутчик был совершенно дезориентирован, вполне хватило, чтобы попасть в паутину Сиксиза. 29 лет по земному исчислению он удерживался в плену на скрытой базе противника на Марсе. Высокое духовное образование офицера

межгалактического конгломерата Олхоум помогло ему бежать. В результате невероятных усилий Оммуил удержал свою память. Выбравшись, он сразу же вернулся на базу на поясе астероидов. По указанным им координатам был отправлен линейный крейсер. База врага была уничтожена.

Несмотря на эту победу, основная часть машинного комплекса Сиксиза продолжает функционировать и пленение силовым экраном продолжает осуществляться их вассалами дракийцами, из внутренних полостей планеты.

И у Атона есть разведка
Тот светлый род всегда в игре,
Они не в звёздах не насадки —
В печали иль на веселе.
Они не тянутся к успеху,
У них давно уже все есть.
Благие помыслы доспехом
И выше страха честь...

Джумоук

На мгновенье, вспышка голубого света выхватила маленькую фигурку, стоявшую на вершине холма. Оглушая округу запоздалым грохотом грома, новая вспышка превратилась в светло-фиолетовое зарево по всему кругу

горизонта.

Теперь её можно было разглядеть. Зеленоглазая девочка в ярко-жёлтом кружевном платье с волнистыми, огненно-рыжими волосами держала клочок бумаги в вытянутой руке. Переливающееся бардовыми облаками небо нанизывали голубые молнии словно кривые спицы. Ими хаотично разряжались в землю облака, освещая всё вокруг ярким голубым светом. Снующие всюду смерчи разрывали воздух на клочки разнополюсной энергии.

Всё пространство закрутилось вокруг холма, словно на замедленной карусели. Молнии, на месте попадания в землю, оставляли чёрные ожоги, похожие на подвижные кляксы. Эти пятна ползли вверх по холму со всех сторон. Их становилось всё больше и больше, и они всё быстрее и быстрее приближались к стоящей на вершине маленькой девочке.

По мере этого стремительного приближения, из копошащейся чёрной массы стали очерчиваться силуэты. Это были существа с бездонно свирепыми, кроваво-красными глазами. И вот уже всё, вновь поглощённое мглой, подножие холма заискрилось переливающимися красными огоньками. Когда передний край тёмного легиона был уже совсем близко от девочки, она положила листочек к ногам, сделала пару шагов назад и села на траву, указывая

на него пальчиком вытянутой руки.

Коричневые тучи, сгустившиеся теперь кольцом, разряжались уже, окружив её стеной из зигзагов синего света. Клацая пастями и жадно роняя слюну, беснующиеся твари посыпали со всех сторон. Но те, что уже пронеслись сквозь разделяющую их с девочкой стену света, стали вдруг превращаться в белые крылатые существа. Одно за другим, они возносились к небу белой, спиралеобразной плеядой, внутри уходящего в облака цилиндра из синего света.

В небе же, эта плеяда растворялась в облаках, которые над подножием холма не переставали разряжаться новыми молниями-монстрами. И снова красноглазые устремлялись вверх.

На красивом лице девочки не было и тени страха. Маленькая бесстрашная фея улыбнулась и, вдруг, рассыпалась на облако разноцветных бабочек, растворяясь в пространстве. На траве остался лежать клочок бумаги, изрисованный детской рукой.

Джумоук открыл глаза и провёл рукой по мокрому лбу. В последнее время он часто видел один и тот же сон, и каждый раз он просыпался в попытках рассмотреть рисунок на этом листке. Он осознавал, что там — на рисунке из его сна, что-то очень важное. Это было одно из тех пробуждений, когда сразу после сна приходит предчувствие

приближения каких-то ключевых событий в жизни. Приятная тревога звала его в путь, навстречу испытаниям и приключениям.

Было ещё кое-что не менее странное и новое для юного эшфарума. Его сон, в течении всего действия, сопровождали странные звуки, переливающиеся разными эмоциональными оттенками. Являя собой и вопросы, и ответы одновременно, эмоции уходили в пространство, озвучивая сами себя. Эти переливы завораживали настолько, что казалось, будто они поглощают его самого, подобно говору леса, окружающего его дом. Но звуки леса не вытаскивали его из самого себя и не разрывали одновременно на тысячу эмоций так, как в этом сне.

Поприветствовав своих родителей и брата за завтраком, Джумоук вышел во двор своего замка. С холма, на котором он стоял, был особенно завораживающий вид. Со стороны фасада, холм от окружающего его густого леса, разделяло огромное озеро. С противоположной стороны, у этого озера обрывалась горная гряда, отделённая от далёкого массива витиеватым отростком. Она возвышалась своим торцом у самого берега, образуя площадку, защищённую полукруглой скалистой стеной.

Лес издавал множество звуков. Щebetание птиц вперемешку с жужжанием насекомых перекликалось с резкими выкриками травоядных

животных, что пытались таким образом держаться в стадах. Иногда, как и сейчас, на опушку выходили эрки. Самцы пытались произвести впечатление на самок своим разноцветным полосатым окрасом. Самый крупный, видимо вожак стада, отличавшийся от остальных самцов своими особенно большими, переплетёнными и закручивающимися кверху рогами, то и дело втягивал ноздрями воздух и осматривался по сторонам. Ведь он был ответственен за всё стадо и всем своим видом показывал это.

Эшфарум бежал между кромкой голубого озера и опушкой леса. Мелкая тёплая галька, приятно хрустела под его босыми ногами. Небольшие смерчи, снующие над поверхностью воды, по обычной им свойственности, поднимали вверх волны, распыляя их в воздух полукруглыми мазками. Вздыхаемые, мелодично посвистывающими вихрями, круги нарастающих гребней расходились и сталкивались со встречными волнами. Этими всплескам и говорил коронованный вечной радугой водоём.

Распылённая влага образовывала туман, который уходил в небо, начинаясь спиралеобразными завихрениями. Постоянное облако над озером кишело своей жизнью. Особенно красивыми существами, обитающими в этом облаке, были большие крылатые эйрфиши. Когда,

сквозь облачные бреши на них попадал солнечный свет, они переливались разным цветом. Тогда, отражающиеся от их крупной зеркальной чешуи, блики бегали по всей округе разноцветными солнечными зайчиками.

Воронки-вихри всегда закручивали ветви растений только в одну сторону. Как только вечно позолоченные деревья сбрасывали, отжившие свой век иссохшиеся листья, на их месте сразу же начинали расти новые. Наверху, с выступов скалы спиральными гирляндами свисала говорящая лиановая завеса. Эта лоза вторила каждому произносимому звуку или слову тихим эхом, и отражаясь от скалы создавала шелестящий гул.

Ветер, вместе с отражениями вьющегося одеяния скалы пел в унисон со всплесками воды. Самое близкое к кромке озера дерево росло обособленно от остального леса, на площадке берега, под возвышающейся в самое небо скалой. Одинокое и особенно величавое, оно уже заждалось своего верного друга и развлекало себя, слушая разговоры озера с ветром.

Подбежав к дереву, эшфарум сорвал с него плод: «Мы есть сейчас дружище». Он надкусил этот дар, слушая ответный шелест листвы: «И до-о, и по-о-о-сле ветро-о-о-в»...

Подперев спиной ствол, Джумоук уселся на подобие кресла, образованное началом корней. У

него была уйма вопросов. Мысли о предстоящей учёбе вызывали трепетное волнение. Больше всего его беспокоила загадка двух миров. Находясь в астральной тюрьме, люди могут бесконечно путешествовать физически, порождая всё новое и новое пространство, отвоёвывая его у небытия, когда как в Фаруме земная твердь замыкается круглым куполом за солнцем, как предел физического пространства мира эшфарумов.

Джумоук чувствовал неприязнь к глупым, по его мнению, людям. Он думал, что предназначение их расы именно в освобождении заключённых бессмертных душ от человеческих тел на их усталом страданиями пути. Ведь они верят в страдания и ищут всяческие способы для этого, вместо того чтобы познавать волю Великого Учителя, полноценно проживая дарованную им для учёбы физическую жизнь.

Ведь из страданий надо извлекать урок, а не иллюзии.

Одна из их многочисленных иллюзий это система исчисления, ориентированная на количестве пальцев. Такое могут позволить себе только эшфарумы с их шестью пальцами на каждой руке. К тому же, постоянно материализуя для себя несуществующий ноль, вклинивая, таким образом, ложную единицу, люди не понимают, почему их статистика сбивается с естественных циклов.

Мир людей в отличие от Фарума, настолько холоден, что вода эшфарумов там мгновенно бы превратилась в лёд, который они называют стеклом. Из чего же тогда их вода и лёд? Ещё ему не терпелось увидеть людей. Было ли то слухами, или правдой, но в Фаруме поговаривали о том, что в низшем мире — на внешней сфере земли, в их горах, есть отряд миссионеров Олхоума.

Ученики миссионеров в их красном одеянии, не носят оружия. Возможно, это из-за того, что на внешней сфере, для хищников Фарума — оргулов нет материальных преград, в то время каких соседствующее с людьми подобие легко идёт на контакт с сознанием.

Порог, за которым истина теряется в тумане неопознанности, словно горизонт неизменно отодвигался ровно на столько, на сколько Джумоук к нему приближался. Но несмотря на это, любознательного юношу никогда не переставал манить этот предел.

Его размышления неожиданно прервал женский голос, имитирующий глас свыше: «Джу-у-мо-о-о-ук! Не смей улетать из верхнего мира! Сначала ты принадлежишь тому, кто принадлежит тебе, и только потом остальным мирам». Эшфарум от неожиданности вскочил на ноги. Видимо узнав знакомый голос, он озарился улыбкой и, быстро ориентируясь среди

отражающихся от скалы и множащихся в пространстве звуков, побежал в сторону свисающей со скалы лозы.

Выдавая себя звонким смехом, укрытый лиановой завесой, горе лазутчик уже начал было убегать, но, не успев сделать и двух шагов, был пойман сильными руками. Её ноги увязли во вьющемся по земле растении, и девушка повисла на нём, не оставив шансов удержаться на ногах. Потеряв равновесие, они оба со смехом завалились наземь.

Джумоук толкнул неожиданного посетителя в бок: «Не думала ли ты, что я оставлю свою составляющую часть, когда меня учат стремиться к целостности?»

«И вот опять ты говоришь от третьего лица и уходящими в туман определениями?! И как вообще ты узнал, где я прячусь? — не дожидаясь ответа, она продолжила, — Мне нужен только ты! И нужен именно такой как есть. Ты слышишь? Я боюсь, что все те знания, к коим ты стремишься, вышибут меня из твоей и без того замороженной башки в два счёта. Тебя уже как-то меняет общение с этим деревом. Уж я ему как-нибудь раскручу ветви в другую сторону! — она пригрозила дереву кулаком. — Может быть, для вас произвести церемонию воссоединения?» — девушка снова зазвенела смехом словно колокольчик.

Джумоук, попытался состроить сердитый вид: «Ну Дзя, подмышкун уже идёт домой». Он стал изображать рукой зверька, пытаясь залезть пальцами ей в подмышку. Девушка, не выдерживая бесповоротной наглости «подмышкуна» и щекотки, всё больше и больше заливалась смехом. Он не унимался: «Почему ты его туда не пускаешь? Это его дом! Он там живёт! Нука немедленно пусти его домой!» Её это смешило ещё больше, а для него не было лучшей награды в жизни, чем слышать журчание этого звонкого смеха. Но тут с улыбкой на её лице стала бороться тревога, и она произнесла уже совсем с серьёзным видом, отстраняя «подмышкуна»: «Меня послал учитель Аомма, чтобы сообщить тебе об окончании каникул. Он призывает тебя».

На какое-то мгновенье Джумоук опять погрузился в размышления, но быстро вспомнил о том, что он не один: «Никто не убежит от своего предопределения».

Дзя смотрела в его глаза с нескрываемым страхом и говорила уже еле слышно: «Я боюсь не предопределения. Я думаю о нас с тобой. Что будет с нами?»

Она уселась на траву, вытянув ноги, и Джумоук положил голову ей на колени. Ему нравилось, когда она поглаживала его голову, погружая пальцы в волосы. Их обоих стали

одолевать раздумья о неопределённом будущем. Они были и тревожными, и предвосхищающими большие перемены. Перспектива перемен всегда манит и притягивает, словно гипнотизирующая высота бездонной пропасти, влекущая в прыжок, что бы ни сулило падение.

Неразлучные с малых лет, теперь они уже не могли видаться так часто. Ещё в детстве, он дал ей имя, согласно обычаям — как выбравший её юноша. Новое имя эшфарумы получали только после одобрения зрителя Наббы, кем по случайному совпадению и был отец Дэи. Он был зрителем храма — хранилища свидетельств — стражей хроник Олхоума.

Пленение Оммуила

— Их кто-то сбил?

— Скорее что-то, а не кто-то. Поговаривают, что это была молния.

— Смотри-ка он всё ещё жив. Видимо у них такая же атмосфера, как и у нас. Ты видел их глаза?

— Откуда ты знаешь, что это глаза? Может они в скафандрах?

— Не прихватить бы от них заразу какую-нибудь космическую. Этого только не хватало для полного счастья.

— Как ты думаешь, он нас понимает?

— Не знаю. Привезём на базу — там с ним разберутся. И не мели лишнего. Мало ли...

Небольшую полость, в которой находился Оммуил, трясло и качало. Судя по сопровождающему всё это звуку и запаху, было понятно, что это наземный транспорт, силовую установку которого представлял собой доисторический двигатель внутреннего сгорания.

«Добро пожаловать в историю» — мысленно сказал себе Оммуил.

Он пытался расшифровать звуки языка беседующих, но не совсем понимал алгоритм, по которому они выражали мысли. Их обрывистые витания скакали из прошлого в будущее и обратно, останавливались в настоящем на ничтожно короткие мгновенья и создавали невероятно длинные интервалы между точками этих остановок. Частота этих интервалов и была тем идентификационным параметром, по которому разведчик различал бессмертных между собой. Она была уникальна у каждой сущности. Офицеру экспедиционного корпуса уже как-то довелось выучить немецкий язык, и он пытался увязать в логическую цепочку знакомые корни слов...

Шустрый Уимм

Маан мог объять подопечное ему

пространство одним ленивым взглядом. Вдоль одной из стен его кельи, плотной пеленой, струился пар и уходил в прорезь в потолке. На этой стене, по своему желанию он мог видеть происходящее в любом месте скрытой полости внутренней сферы. Она кишела необузданными в своей злобе оргулами, которые, то и дело, грызлись между собой, создавая постоянный рывкающий фон. В пещерах низшего Фарума было всё просто: звери были зверями, пока зритель создавал им подходящие для данного статуса условия. Их надо было непременно стравливать, чтобы те не имели шанса не быть свирепыми и кровожадными.

Управляющему не давал покоя недавний выпад одного оргула, внешне похожего на эшфарума. При возникшей склоке в пещерах этот явно вёл себя так, будто он просчитывает ходы и соизмеряет ситуации. Такое не присуще бесам Фарума. В последней схватке он хитро вымотал своих соперников, а затем просто загрыз, одного за другим. Оргулы боятся по долгу смотреть в глаза своему зрителю. А этот как уставится — хоть сам глаза отводи. Управляющего в пещерах так же удивляла привычка этого смышлёного монстра прыгать как игривый котёнок, чуть ли не за каждым залетевшим сюда насекомым.

В случаях, когда твари забывали злость, зритель провоцировал склоку, но большинство

потенциальных соперников смышлёного зверя сдавали ему позиции без боя. Много раз его отправляли на арену страха, где дальнейшую культивацию злости берёт в свои руки легион усмирения. Но тот возвращался из таких путешествий как после прогулки. Уимм (так называл его ученик и приемник зрителя) неизменно был первым, когда возникало вибрационно-трансформирующее облако. Эти облака возникали по велению идущих через миры, и буквально растворяли оргулов.

Огромный Маан уже и не помнил, когда в последний раз покидал ставшие ему домом пещеры. Всё его время, без остатка, занимало управление подопечной клыкастой вотчиной и обучение приемника Улыма. Он мог только догадываться о переменах во всём остальном мире, в то время как шустрый Уимм уже много где побывал.

Осматривая пещеры на обзорной стене, зритель вдруг увидел, что по каменному дну одной из полостей, сцепившись в схватке, катаются Улым и Уимм. Сначала неистовое негодование Маана вызвало то, что этот оргул вообще посмел напасть на его приемника, но, когда он понял, что они, таким образом, просто играют, управляющий пещерами впал в настоящее бешенство.

Великан тут же побежал к имитирующим смертельную схватку и, как только прибыл на